

Д'АРК

Максим Доронин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

на — это пространство,
в котором можно
услышать правду

18+

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРИЛЕР
ТРИЛОГИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

Максим Доронин

Д'АРК

<https://litres.ru/74491553>

SelfPub; 2026

Аннотация

Париж, 1998 год. Четверо подростков перелезают через забор чужого особняка — просто ради азарта. Они ещё не знают, что внутри найдут не игрушки, а первую ниточку заговора, который опутал полмира.

Через двадцать лет один из них построит империю, которая переписывает реальность. Он станет Архитектором. Его будут бояться президенты, банкиры и теневые короли. Но чем выше он поднимается, тем яснее понимает: он не строит — он прячется.

Это история о дружбе, которая пережила всё. О любви, которая не сдалась. О предательстве, которое простить невозможно. И о тишине, которая оказалась сильнее любого крика.

Он мечтал изменить мир. Он изменил его. Но чтобы найти себя — ему придётся отказаться от всего, что он построил.

А когда он найдёт — сможет ли он вернуться к тем, кого оставил?

Содержание

Эпиграф	4
Пролог. Чёрное море. Дом у моря	4
ТОМ I. ФУНДАМЕНТ (1998–2000)	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛИГА ЛАТИНСКОГО КВАРТАЛА	8
Глава 1. Тени исчезают в полдень	8
Глава 2. Кабинет с видом на тайны	12
Глава 3. Кофе по-венски и 40 минут тишины	15
Гла	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Д'АРК

Эпиграф

*«Слова — это не просто знаки, это динамит.
Если заложить его под фундамент системы, она
рухнет.»*

— Пьер Д'Арк

Пролог. Чёрное море. Дом у моря

12 января 2026 года.

Мне сорок три года. Я стою на балконе и смотрю на море.

Где-то там, за горизонтом, остался Париж. Осталась Москва. Остались двадцать восемь лет войны, которую я вёл с миром и с самим собой. Я построил империю, о которой мечтал в пятнадцать лет. Я создал систему, которая перепишивает реальность. Я стал тем, кого называют Архитектором.

Но сегодня, в день своего сорокатрехлетия, я задаю себе один вопрос:

Кем я стал?

Я — Макс Д'Арк. Французский мальчишка из Латинского квартала, в груди которого билась русская душа. Я — сын журналиста и психолога. Я — человек, который переписал

правила игры для целой эпохи. Я — тот, кто построил Кашемировый синдикат, запустил «Штиль», создал «Архив».

И я — тот, кто потерял себя в этом процессе.

В моей фамилии — память. Д'Арк. Жанна. Воин, сжигаемый за свою правду. Мой отец взял этот псевдоним, потому что верил: правда стоит того, чтобы за неё умереть. Он ошибался. Он ушёл из игры задолго до того, как умер. Я так и не научился прощаться с ним.

Я стал тем, кого он ненавидел. Я превратил его оружие в инструмент той самой системы, которую он пытался взломать. Я превратил его «Интерференцию» в машину власти. А потом — в пустоту.

Ветер с моря касается моего лица. Я снимаю очки — те самые Скелетоны, которые стали моей визиткой. Впервые за много лет я вижу мир без фильтра. Он размытый. Серый. Но настоящий.

За моей спиной — дом. Внутри — Шарлотта. Она спит. Её дыхание — единственное, что ещё связывает меня с тем, что я когда-то называл жизнью.

Я думаю о Габриэле. О том, как он строил код, когда мир рушился, и как он ушёл в сады Прованса, когда код стал живым. Я думаю о Реми. О том, как он стоял стеной между нами и хаосом, и как он научился жить без войны.

Где-то там, за горизонтом, начинается моя история. История мальчишки, который хотел быть взрослым. Который думал, что власть — это когда тебя боятся. Который не знал,

что власть — это когда ты перестаёшь бояться себя.

Я провожу пальцем по перилам. Металл холодный. Но я почти не замечаю этого.

Я думаю о том, как мы начинали. О том дне, когда я впервые перелез через забор особняка Делакуров. О том, как мы — Банда — строили планы на скамейках у Пантеона. О том, как мы верили, что сможем изменить мир.

Мы изменили его.

Но цена оказалась выше, чем я мог представить.

Я думаю об отце. О его словах: «Слова — это не просто знаки, это динамит. Если заложить его под фундамент системы, она рухнет». Он был прав. Я заложил динамит под старый мир. Но когда он взорвался, я оказался на его обломках, не зная, как строить новый.

Я думаю о Шарлотте. О том, как она шила мою броню. О том, как она смотрела на меня, когда я переставал быть человеком. О том, как она ушла, чтобы я мог найти себя.

Я думаю об Элеоноре. О её стальных очках и прокурорском плаще. О том, как мы стояли в подвалах Сорбонны, и она сказала: «Ты становишься системой». Она была права. Я стал системой. Но теперь я учусь быть человеком. И, возможно, впервые за двадцать восемь лет, я готов признать: она видела меня лучше, чем я видел себя. Я так и не сказал ей спасибо. Может быть, это и есть моя главная вина.

Я делаю шаг вперёд и опираюсь руками на перила.

Море дышит. Волны набегают и отступают. Бесконечно.

Вечно.

В этой тишине я слышу свой голос. Не Архитектора. Не Хранителя. Просто Макса.

Он говорит: «Ты сделал всё, что должен был. Теперь ты можешь жить.»

Я улыбаюсь. Впервые за много лет.

Эта книга — не мемуары.

Это исповедь человека, который учился чувствовать людей сквозь закрытые двери, взламывать чужие судьбы и превращать свою боль в броню.

Это история о том, как мальчишка из Латинского квартала стал Архитектором.

И о том, как Архитектор понял, что империя — это не то, что ты строишь. Это то, что ты оставляешь после себя.

Я написал эту книгу не для того, чтобы меня поняли. Я написал её, чтобы услышать себя. И чтобы оставить после себя не империю — а тишину.

Ваш Макс Д'Арк.

ТОМ I. ФУНДАМЕНТ (1998–2000)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛИГА ЛАТИНСКОГО КВАРТАЛА

Глава 1. Тени исчезают в полдень

Мне 15 лет.

За окном серый, сырой 5-й округ. Латинский квартал. Январь в Париже — это не русская зима. Снега почти нет. А если он и падает — мокрый, тяжелый, — то умирает, едва коснувшись антрацитовый брусчатки бульвара Сен-Мишель. Город укрыт серым, влажным одеялом. Небо висит так низко, что кажется, можно достать рукой до холодных, склизких горгулий Нотр-Дама. Воздух пропитан запахом сырого асфальта и старого камня.

Люди вокруг кутаются в длинные шерстяные пальто и шарфы, подняв воротники до самых ушей. Они спешат, пряча носы от пронизывающего ветра с Сены, скользя подошвами по мокрой листве. Меня гложет тоска. Рождество прошло слишком быстро. На тротуарах валяются выброшенные елки — *sapins de Noël*. Еще неделю назад они сияли огнями в го-

стиных, были центрами вселенной, а теперь лежат, как скелеты, с остатками дождика на пожелтевших ветках. Праздник кончился, магия выветрилась, остались только серые будни.

Но только не для нас. Мы — я, Реми, Габриэль и Шарлотта — стоим на углу улицы Суфлю. Мы уверены в одном: Париж — это центр Вселенной. А мы — его тайные короли. Нам тесно в наших пятнадцати годах. Мы хотим стать взрослыми. Прямо сейчас. Немедленно.

Реми. Самый боевой из нас. Его мама — офицер полиции, а отец — пожарный. В их доме всегда пахнет дисциплиной и едким гуталином начищенных ботинок.

Габриэль. Мозг нашей компании. Его отец — директор гимназии, человек в вечном костюме и с вечным укором во взгляде. Зато мама Габриэля — кухарка. Боже, как она готовит! Мы готовы слушать нотации директора часами, лишь бы потом нам перепал кусок её пирога, пахнущего теплым маслом и ванилью.

Шарлотта. Наша принцесса и пацанка в одном флаконе. Её мама — модельер, она вечно шьёт, и Шарлотта ходит в школу в странных, но крутых вещах. Ткань её одежды всегда особенная на ощупь: то жесткий лен, то холодный шелк. А папа — водитель автобуса. Он знает Париж лучше, чем любой таксист.

И я. Макс. Моя мама — психолог. Она видит людей насквозь. А папа — журналист в *Le Figaro*. Человек слова, запаха типографской краски и вечных дедлайнов.

Нам нужно совершить что-то Великое. Что-то, что поразит этот мир.

— Вон тот особняк, — шепчет Реми, кивая на высокие кованые ворота старинного Hôtel Particulier, где живут настоящие буржуа. Окна там светятся теплым, янтарным светом. Там, за винными бархатными шторами, другая жизнь. Жизнь денег, власти и тайн.

— Давайте попробуемся внутрь, — глаза Шарлотты горят. — Как Арсен Люпен. Перелезем через стену, найдем открытое окно...

— И что? — спрашивает рассудительный Габриэль. — Украдем серебряную ложку? Нас поймают и сдадут моей маме на кухню чистить картошку до старости.

— Нет, — говорю я. Во мне уже тогда просыпался стратег. — Воровать — это для шпаны. Мы сделаем круче. Мы попробуемся туда... чтобы они нас наняли. Мы предложим им что-то такое, за что они выложат нам свои франки. Мы станем их партнерами.

Мы решаемся. Самое безумное — мы делаем это днем. Посреди бела дня, когда серый парижский свет заливает улицу, и спрятаться негде. Габриэль достает свой главный козырь. Операция Кошка.

Габриэль вылавливает у мусорных баков шипящую уличную кошку. Одно точное движение — и он перебрасывает этот шерстяной снаряд через высокий кованый забор, прямо в дальний угол сада. Кошка приземляется на лапы и издает

боевой вопль. Реакция мгновенная. Сторожевые псы — кажется, это были доберманы — сходят с ума. Лай, рычание, визг! Охрана, побросав сигареты, несется в угол сада, чтобы разнять этот клубок клыков и когтей.

— Погнали! — шипит Реми.

Мы проскальзываем в калитку. Тени на стене. Быстрые перебежки. Мы внутри. Мы прижались к холодной стене особняка, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле. Перед нами — огромный, молчаливый дом богачей. Сейчас начнется самое интересное.

Глава 2. Кабинет с видом на тайны

Пока мы штурмовали забор чужого особняка, на другом конце 5-го округа, в нашей квартире, царила совсем другая атмосфера. Тишина, запах дорогого воска и тяжёлые бархатные портьеры цвета гнилой вишни.

Моя мама работала. Её сессия стоила 1500 франков. На кушетке сидел Господин N — высокий чин из Министерства внутренних дел. Человек, от подписи которого зависели судьбы мигрантов и секретные операции. Но здесь он был просто уставшим мужчиной с дёргающимся глазом.

Я сидел в коридоре на низкой скамейке, притворяясь, что читаю книгу. На самом деле я слушал. Я всегда слушал.

— Я не могу разорваться, Элен, — жаловался он, комкая в руках платок с монограммой. Голос был хриплым, сбивчивым. Я слышал, как шуршит ткань — резко, нервно. — Отношения с Россией натянуты как струна. Ельцин непредсказуем, в Москве кризис. Американцы давят на нас через НАТО. Сверху насели, требуют готовить законопроект о безопасности. Я сплю по четыре часа!

Но политика была лишь ширмой. Настоящая боль пряталась глубже.

— Моя жена... Она хочет на Мартинику. Прямо сейчас. Она говорит, что я женат на Министерстве. А моя дочь... Ей 16, Элен. Жюли. Она связалась с художником из сквота. Па-

рень ходит в рваном свитере и цитирует Троцкого! Я — член правящей правой партии, я голлист! А она называет меня буржуазным угнетателем за ужином!

Я слышал, как он тяжело дышит. Как пальцы сжимают платок. Как тишина становится плотной.

Мама слушала так, будто в мире нет никого, кроме этого человека. Мама говорила, что если человек не паникует, он уже контролирует ситуацию. Она не стала читать ему лекцию. Она просто сказала:

— Вы не можете контролировать Ельцина или Вашингтон. Но вы можете контролировать свой стол. Законопроект — это сегодня. Россия — это вечность. Сделайте то, что горит, и простите себе то, что не можете изменить. А если не можете лететь сами — купите жене билет. Пусть летит с подругой. Это не отказ от отпуска. Это подарок. — Она помолчала. — И оставьте Жюли в покое. Она бунтует не против партии. Она бунтует против отца, которого ей не хватает. Если будете давить — она уйдёт к троцкистам назло. Пригласите её и её художника на ужин. И слушайте. Просто слушайте. Это обезоруживает сильнее любого запрета.

Господин N замолчал. Я слышал, как его дыхание выровнялось. Как он выдохнул — долго, тяжело, как человек, который наконец сбросил груз. Плечи его распрямились.

Через минуту он встал. Я услышал, как заскрипело кресло. Как его шаги направились к двери. Как он положил на стол чек.

— Элен, — сказал он уже у порога. Голос его был тихим, почти благодарным. — Вы единственный человек, который не говорит мне, что я должен делать. Вы просто помогаете мне увидеть, что я уже знаю.

Мать ничего не ответила. Только тишина — та самая, в которой я слышал, как он вышел в прихожую, как надел пальто, как закрылась входная дверь.

Я сидел на скамейке и смотрел в одну точку. Внутри меня что-то щёлкало. Я не знал, что это — но я знал, что запомню этот разговор на всю жизнь.

Он ушёл спасать Францию, а может быть, впервые за месяц — свою семью.

А в это время мы, дети этой Франции, уже перелезали через подоконник в чужой дом.

Глава 3. Кофе по-венски и 40 минут тишины

В тот день Габриэль превзошел сам себя. Он отмел план с кошкой как слишком вульгарный. Он поправил воротничок своего пальто, пригладил волосы и просто пошел к воротам.

Габриэль, ростом метр семьдесят, стоял перед двумя шкафами — охранниками весом под центнер каждый. Он говорил долго, прижимая ладони к сердцу, указывая куда-то в небо. Охранники сначала хмурились, а потом расслабились.

Один из них пригласил парня в теплую будку и налил кофе из термоса. Мы видели через стекло, как Габриэль что-то спрашивает, указывая на стаканчик охранника.

— Мсье, а вам? Вы не будете?

Охранник на секунду отвернулся за сахаром. Доля секунды. Габриэль с ловкостью карманника с Монмартра подменил стаканчики. В его арсенале было сильное снотворное, позаимствованное у бабушки. Охранник в будке уснул через пять минут, уронив голову на пульт управления камерами.

Второй охранник вернулся из дома, увидел спящего напарника и нашего Габриэля, который сидел рядом с невинным видом. Габриэль даже не моргнул.

— Мсье, ваш друг сказал, что очень устал. Он просил оставить кофе и вам. Вот, еще горячий.

Охранник хмыкнул, взял стаканчик и залпом допил остатки кофе с сюрпризом. Через три минуты он уже храпел на соседнем стуле.

— У нас 40 минут, пока они не проснутся или пока не сменится караул, — сказал Габриэль, глядя на часы на запястье спящего гиганта. — Камеры пишут на кассету, никто не смотрит в реальном времени. Вперед.

Мы проскользнули мимо спящих церберов. Огромный двор был пуст. Впереди возвышался особняк. Дверь осталась незапертой. Мы толкнули тяжелую дубовую створку. Тепло ударило в лицо. Запах дорогих духов, старого лакированного дерева и денег. Мы были внутри. Четверо детей из среднего класса в святая святых парижской аристократии.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.